

ОТКУДА И КУДА

РУССКИЙ МАРКСИЗМ ОТ ВОСХОДА ДО ЗАКАТА

© 2017

А.Д. Майданский

Генезис марксистской философской мысли в России

В русскую философию идеи Маркса проникли в 70-е годы XIX века. В это время народники Петр Лавров, Герман Лопатин, Вера Засулич и другие постоянно общались с Марксом, а Михаил Бакунин был знаком с ним еще с 1844 года и называл себя сторонником материалистического понимания истории. Бакунин выполнил первый русский перевод “Манифеста коммунистической партии”, напечатанный в типографии герценовского “Колокола” в 1869 году.

“Первым русским крестоносцем марксизма”¹ стал Георгий Плеханов. В 1882 году он увлекся учением Маркса, заново перевел на русский язык “Манифест”, однако лично познакомиться с Марксом Плеханов не успел — тот умер в марте 1883-го. По складу ума Плеханов был ближе к Энгельсу, чем к Марксу, и в области философии по-своему продолжил работу Энгельса.

Придется нам сделать отступление, чтобы пояснить разницу между Марксом и Энгельсом в части использования ими диалектического метода. В руках Маркса, как и у Гегеля, диалектика представляла собой *логический метод* восхождения от абстрактного к конкретному, метод построения научной теории из простейших всеобщих абстракций.

В материалистической теории истории исходной абстракцией является *труд*. Исследование труда как “субстанции-субъекта”, то есть основы и движущей силы, всемирной истории служит источником выведения всех прочих, таких сложных и конкретных понятий, как разделение труда и частная собственность (отчужденный труд), потребительная стоимость (конкретный труд) и “просто” стоимость (абстрактный труд), рабочая сила (живой труд) и капитал (овеществленный труд), труд физический и духовный, наемный и свободный, необходимый и прибавочный, частный и всеобщий труд и т.д. Все без исключения понятия исторической теории Маркса суть формы

Майданский

Андрей

Дмитриевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета, внештатный научный сотрудник Института философии РАН. В журнале “Человек” опубликовал статьи: Дух и душа: Декарт и Спиноза (2006. № 1); Штрихи к аксиоматике человека (2010. № 1). E-mail: amaid@pisem.net

¹ Эпитет принадлежит Льву Троцкому.

выражения — “модусы”, сказал бы Спиноза, — одной единой субстанции, каковой является труд.

Словом, в руках Маркса диалектика была методом построения новой теории, логикой научного открытия. Энгельс это хорошо сознавал, однако сам он не умел “восходить” от абстрактного к конкретному². Ему удавалось лишь применять в своих исследованиях отдельные положения диалектической логики да иллюстрировать их примерами из области естественных наук и математики, политической и военной истории и т.д.

Как часто случается в ходе популярного разъяснения теории, отчасти уже у Энгельса, происходит испарение ее “живой души” — метода мышления, которому данная теория обязана своим возникновением. В рукописях, собранных в книге “Диалектика природы”, Энгельс провел исследование современных естественнонаучных теорий на предмет их диалектичности, обнаружив массу *примеров* “стихийного” диалектического мышления и *иллюстраций* вычитанных им у Гегеля законов и категорий диалектики.

Школа Плеханова превратила поиск диалектичных примеров с последующим их “синтезом” в одну мировую картину — в главное поприще марксистской философии³. Так эта “философская картина мира” и фигурировала в советских учебниках (в более демократичные времена к ней добавились религиозная и научная картины мира, которые по соседству с философом пишут ученый и богослов.)

Диалектика как *логический метод* научного исследования оказалась на добрых полвека забыта, несмотря на все усилия Ленина, резюмированные лапидарной формулой на полях томика Гегеля: мол, “не надо трех слов”, диалектика, логика и теория познания — это одно и то же. Ленин умел учиться и до зрелых лет учился диалектике по Гегелю и Марксу, однако ни в одной его книге нет и тени “восхождения от абстрактного”, наподобие дедукции форм стоимости в “Капитале” Маркса.

Ленин ругал и высмеивал философские картины мира, особенно те, что писались его соратниками, большевиками, — А. Богдановым, В. Базаровым, А. Луначарским. В этом он остался верен взглядам основоположников марксизма, объявивших такую философию “покойницей” (Энгельс). Однако, как выяснилось в ходе дебатов с позитивистами, в основе своей ленинская теория познания недалеко ушла от старого философского материализма, который Маркс в свое время окрестил “созерцательным” — за то, что действительность берется им “только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *чувственно-человеческая деятельность, практика*; не субъективно” [9, т. 42, с. 261].

Эти слова звучат как приговор ленинской дефиниции материи: “объективная реальность, данная нам в ощущениях”. Вполне по-ленински, как *ощущаемый объект*, понимали мате-

² Да и кто еще так умел? Сама материалистическая диалектика так и не была построена “от абстрактного”.

³ “Если мы и примем ограничение Энгельсом “области философии областью мышления и его законов”, — писал Плеханов, — то и такая теория “предполагает общий синтетический взгляд на природу и жизнь... Философия есть система синтетических идей, объединяющих совокупность человеческого опыта на достигнутой в данную эпоху ступени интеллектуального и общественного развития. Короче: философия есть синтез познанного бытия данной эпохи” [11, т. 18, с. 324–325].

рию и английские эмпирики, и французские просветители, и Фейербах — “весь предшествующий материализм”, критикуемый в тезисах Маркса.

В ощущениях человеку дана не столько объективная реальность, сколько его же собственная предметно-деятельная *субъективность*, практически преобразующая “объективную реальность”, а с ней и все наши ощущения. Эта “деятельная сторона”, по словам Маркса, “развивалась абстрактно идеализмом”, прежние материалисты ее не видели и не понимали. Ленинская дефиниция материи также начисто лишена деятельной стороны.

Маркс открыл, что реальный мир дан человеку *практически*, в формах его собственной материальной деятельности. Вернее сказать, объективная реальность *не дана, а взята* — добыта человеческим трудом у Природы. Ну а Ленин в свое определение материи вместо “практики” включил “ощущения”. Или он так убого практику понимал — как процесс “копирования-фотографирования нашими ощущениями”?

По большому счету, в книге Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” нет ни одной идеи, которая не была бы отлично знакома философам до Маркса. В абстрактной дефиниции материи как “объективной реальности”, диалектики не больше, чем в дефиниции человека как “двуногого без перьев”. И логики ровно столько же: в обоих случаях вместо сущности определяемого предмета — материи ли, человека ли — взят один из его отличительных признаков. Хочешь выразить сущность материи — определи, что и как материя *делает*. Хорошее определение должно указывать способ действия данной вещи, а не какие-то ее признаки, пусть даже и уникальные. Это отлично понимал “отец логики” Аристотель.

Наряду с плехановским пониманием предмета философии, как “синтеза” всего и вся “познанного бытия”, ленинская дефиниция материи сделалась краеугольным камнем советского диамата⁴ — его философской “картины мира”. Ритуальным цитированием этой “гениальной формулы” открывались все советские учебники философии, ее заучивали наизусть и декламировали, как стихи.

Начало эпохе советской философии положила генеральная битва умов, в фокусе которой оказалась фигура Спинозы.

“Со Спинозой в башке и наганом в руке”: спор диалектиков с механистами

Задумав изложить “диалектическую философию”, Плеханов принялся искать точку опоры — исходные понятия, прежде всего понятия материи и мышления. У Маркса не нашлось на это времени⁵. В поисках подходящей философской системы взор Плеханова обратился к “старика Спинозе”. При встрече

⁴ Принятое сокращение термина “диалектический материализм”.

⁵ В письме к Энгельсу Маркс посетовал, что ему недосуг изложить диалектику “на двух или трех печатных листах” [9, т. 29, с. 212]. Зато он сумел вскрыть время на тридцать листов “Математических рукописей”.

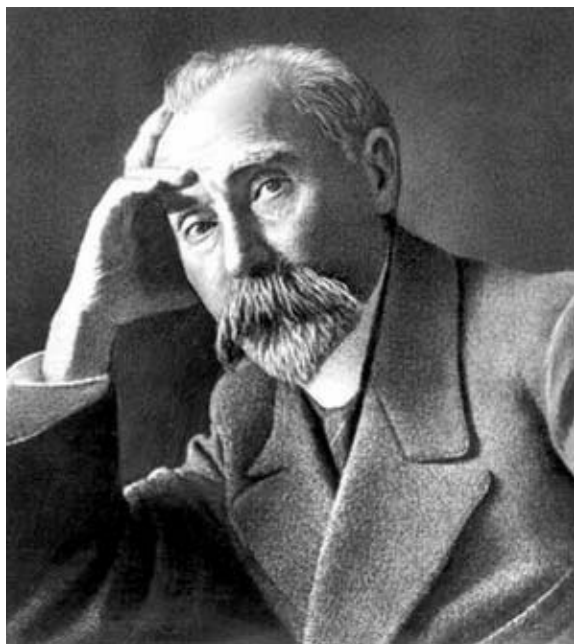
Плеханов спросил Энгельса, согласен ли он с тем, как Спиноза решил проблему отношения мышления и материи, на что Энгельс в присутствии двух свидетелей ответил: “конечно, старик Спиноза был вполне прав”. Вдохновленный Плеханов провозгласил метафизику Спинозы основой философии марксизма. “Современный материализм представляет собой только более или менее осознавший себя спинозизм” [10, т. 2, с. 339]. И даже больше того: “Материализм Маркса и Энгельса был родом спинозизма” [11, т. 18, с. 261].

Эти строки Плеханов написал в полемических статьях против социал-демократа Эдуарда Бернштейна, затеявшего ревизию марксизма в духе неокантианства. В конце XIX столетия вошел в моду призыв марбургской профессуры: “Назад к Канту!” В ответ Плеханов призвал вернуться лучше к Спинозе, “к философии этого благородного и гениального еврейского мыслителя. Это — нечто иное и гораздо более разумное...” [10, т. 2, с. 351].

Плеханов был человек превосходно образованный и разбиравшийся в общественно-исторических науках, блестящий публицист, однако философом он был, прямо скажем, посредственным. “Этика” оказалась ему не по зубам, и вообще — Спинозу Плеханов толковал примитивно — как прототип Дидро и Фейербаха, отягощенный “теологическим привеском” (не к лицу порядочному материалисту называть природу-матушку “Богом”).

После Октябрьской революции главными авторитетами в молодой советской философии оказались ученики Плеханова, ибо Ленин своей философской школой не обзавелся. В прошлом они, как и сам Плеханов, были меньшевиками, поэтому Ленин, распорядившись привлечь их к преподаванию философии, прибавил: за ними “присмотреть надо” [7, т. 52, с. 159]. Присмотрел — Сталин...

В 1922 году начал выходить первый философский журнал “Под знаменем марксизма”, главным редактором стал А. Деборин. Директором Института Маркса и Энгельса и издателем их (а также Плеханова) собрания сочинений был Д. Рязанов. В 1931 году Сталин отстранил их от работы, объявив *меньшевистствующими идеалистами*: первое — за отрыв философской теории от практики и политической линии партии, второе — за

Г. Плеханов

тягу к гегельянщине, то есть диалектике. Почти все их сторонники, за исключением почему-то самого академика Деборина, были репрессированы несколько лет спустя. Но еще раньше Деборин и его команда — они называли себя “диалектиками” — успели расправиться со своими идейными противниками — “механистами” (И. Скворцовым-Степановым, А. Тимирязевым, Л. Аксельрод и др.).

За десять лет своего руководства советской философией “диалектики” успели издать добрую сотню работ о Спинозе. Марксизм провозглашался “неоспинозизмом XX века” (И. Луппол). Рекламации последовали от другой части учеников Плеханова. Л.Б. Аксельрод напомнила плехановские слова о “теологическом привеске” у Спинозы, постаравшись доказать иудаистскую природу его понятия Бога. “И какой абсурд утверждать, что Субстанция Спинозы есть материя” [2, с. 173], — восклицала Аксельрод, — когда философия Спинозы насквозь пропитана опиумными парами религии: “глубоко вкоренившимся религиозным чувством” [1, с. 144]. Ничего себе привесок.

Позицию Аксельрод поддержали А. Богданов, А. Варьяш, А. Рубин и др. Полемика немедля переросла в идеологическое побоище, а ее научный уровень устремился к нулю. Как справедливо заметит сэр Исая Берлин, те споры представляют больший интерес для исследователей советской идеологии, чем для исследователей Спинозы [13, р. 232].

Бесконечные взаимные обвинения в ревизионизме, сионизме, идеализме и тому подобных грехах окончились для большинства спорщиков гибелью в сталинских лагерях. Писать о Спинозе стало небезопасно, и река публикаций вскоре обмелела. Но и позднее, когда угроза расправы миновала, все советские философы продолжили лепить из Спинозы материалиста (то механического, “а ля Гоббс”, то диалектического — “Маркса без бороды”), игнорируя или ретушируя все, что не вписывается в образ “Моисея для материалистов”, как любя прозвал Спинозу Людвиг Фейербах.

Если понимать материю по-ленински, как объективную реальность, данную *в ощущениях*, Аксельрод, конечно, права: у такой “реальности” нет ровно ничего общего с субстанцией Спинозы. Субстанция постигается исключительно *разумом*, “интеллектом”, и в ощущениях дана быть не может. Но еще нелепее — привязывать философского Бога Спинозы к богам религий и выискивать у него “теологический элемент”, “иудейскую окраску” и тому подобные “привески”, не считаясь с протестами самого Спинозы.

“Между верой, или Теологией, и Философией нет никакого общения или какого бы то ни было родства”, — категорически заявлял автор “Богословско-политического трактата”. Между ними — пропасть: “Ибо цель Философии есть не что иное, как истина; [цель] Веры же, как мы достаточно показали, только

послушание и благочестие. Далее, основания Философии суть всеобщие понятия, и саму ее надлежит черпать единственно из природы; [основания] же Веры суть предания и язык, а черпать ее должно единственно из Писания и откровения” [14, р. 179]. Считать после этих слов Спинозу философом *религиозным* может только слепой либо предвзятый читатель.

Марксистская философская диатриба: диамат и истмат

Дебаты “диалектиков” с “механистами” все время вращались вокруг проблемы отношения философии к прочим наукам, особенно естественным. “Механическим пониманием природы” называли и современное естествознание, и позитивистские обобщения “данных науки”, вроде тех, на которые в свое время обрушился Ленин. Под “диалектикой” же обычно имелся в виду не столько метод мышления, сколько абстрактная философская картина мира, описываемая языком диалектики, с ее “спиралями” и “скачками”.

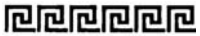
В такую квазидиалектическую картину мира несложно встроить что угодно — и “мичуринскую” биологию (где на каждом шагу “диалектические скачки” от дуба к березе и зарождение васильков из ржи), и “павловскую” психологию, и насквозь лживую историю партии. Даже генетика с кибернетикой, которых поначалу окрестили “продажными девками империализма”, впоследствии чудесно вписались в диамат.

К 1930-му году “механисты” были повержены и унижены, а в рядах “диалектиков” — точнее, *диаматчиков*, — началась смена поколений: выращенные в Институте красной профессуры молодые “теоретики” (М. Митин, П. Юдин, Ф. Константинов — всем им в то время было около тридцати) при поддержке Сталина изгнали с “философского фронта” меньшевиков-деборинцев и искоренили “гегельянщину”, как именовались остатки подлинной диалектики, сохранявшиеся у старой гвардии плехановского созыва.

Митин был вскоре назначен академиком⁶ и возглавил Институт марксизма-ленинизма, Юдин стал директором Института философии Академии наук. Они не преподавали и не защищали диссертаций, сосредоточив силы на прославлении “корифея всех наук” и расстановке во главе философских кафедр себе подобных.

Главным принципом философии сделалась “партийность”. Это означало, что верховным и неоспоримым критерием истины должны быть интересы рабочего класса (как их представляли себе вожди пролетарской партии, разумеется). На тех же партийных весах взвешивалась и добродетель. Нравственно то, что служит интересам пролетариата, наставлял первых комсомольцев Ленин...

⁶ Когда Сталин предложил это звание Митину и Юдину, последний как-то замаялся, сказав, что не совсем уверен, достоин ли он столь высокой чести. “Ну что ж, — сказал Сталин, — тогда будьте членом-корреспондентом”. А Митин согласился на академика [3, с. 38].

Философия в собственном смысле слова прекратилась у нас на долгие четверть века. Как метко скажет потом Э. Ильенков, диалектика была распята на кресте из “четырёх черт” второго параграфа четвертой главы сталинского “Краткого курса истории ВКП(б)”: все в мире взаимосвязано, все непрерывно движется, количественные изменения переходят в качественные, а развитие совершается через борьбу противоположностей. Этот параграф, “О диалектическом и историческом материализме”, в предельно емкой и сжатой форме подытожил и освятил устоявшуюся в марксистской *диатрибической* литературе “картину мира”.

Слово “diatribe” у древних греков означало беседу, развлечение, а также — обучение, школу. “Диатрибической” называется литература учебная, школьная⁷. К этому жанру относились и две марксистские философские дисциплины — диамат и истмат. Диамат представлял собой облаченную в диалектическую фразеологию метафизику природы: онтологию плюс натурфилософию. А истмат был философией истории, метафизикой общественной жизни.

Выражение “диалектический материализм” ввел в обращение немецкий марксист-самоучка И. Дицген, а Плеханов сделал именем собственным *марксистской философии*⁸. Об “историческом материализме” говорил еще Энгельс, имея в виду метод исследования — “взгляд” на историю⁹, но ни в коем случае не особую марксистскую дисциплину, не говоря уже о “философии истории”. Творцом истмата по праву может считаться Плеханов, предложивший простую, как репа, формулу: исторический материализм есть применение материалистической диалектики к области истории.

“Материалистическое миросозерцание Маркса — Энгельса охватывало — как мы только что видели — и природу, и историю... Но, поскольку диалектический материализм касался истории, Энгельс называл его иногда *историческим*. Этот эпитет не характеризует материализма, а лишь обозначает одну из тех областей, к объяснению которых он применяется. Что может быть проще этого?” [10, т. 2, с. 280].

На самом деле, у Гегеля и Маркса диалектика *родилась и выросла* в лоне истории. История — отчий дом диалектики, а не “одна из областей” ее применения. И если Гегель строил еще особую “философию истории”, то Маркс занялся конкретно *исторической наукой*, потребовав снять и отбросить в сторону “очки философа”.

Истматчики вернули к жизни “покойную философию”. Научное содержание теории Маркса волновало их меньше, намного меньше, чем “философское” или, вернее, идеологическое. Что бы там ни говорил Маркс, как ни ругал он “идеологию вообще, немецкую в особенности”, его учение кишит идеологемами, которые он принимал за чисто научные постулаты. Они-то и были “синтезированы” его последователями в “фи-

⁷ Глубокое исследование такой литературы провел А.В. Потемкин [12].

⁸ “Мы употребляем термин “диалектический материализм”, который один только и может правильно характеризовать философию Маркса” [11, т. 7, с. 247]. “Философия Маркса... есть диалектический материализм” [там же, т. 18, с. 261].

⁹ “Я применю... выражение “исторический материализм” для обозначения того взгляда на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества...” [9, т. 22, с. 305–306].

лософию истории исторического материализма” (Г. Лукач) [8, с. 134], для краткости — “истмат”. После чего все и вся в истории рассматривалось сквозь призму этой синтетической философии.

Как метод научных открытий диалектика спросом не пользовалась. Диамат и истмат покоились на сугубо формальной дедукции, *нисхождении от общего к частному*. На основе универсально-философских положений — типа “правила сочетания противоположностей” (Плеханов) или сакраментального “бытие определяет сознание” — строились умозаключения о любых явлениях природы и общественной жизни. Диалектической логикой тут и не пахло, от нее осталась лишь словесная шелуха. Диамат и истмат вполне довольствовались логикой формальной.

Диалектическая логика Э. Ильенкова

В первые же годы после смерти Сталина философия ожила, начался своеобразный ренессанс философской классики — прежде всего, диалектической логики Гегеля и Маркса. За четверть века безраздельного господства диамат превратил историю философии в лавку древностей, назначив каждому мыслителю “партийную” цену в зависимости от его вклада в священную битву материализма с идеализмом. Те, кто пытался чему-то учиться у классиков или просто мыслить самостоятельно — А. Лосев, В. Асмус, М. Лифшиц, — надолго замолчали либо занялись менее опасными темами. В середине 50-х они осторожно начали братья за старое. В этот момент взошла и звезда Эвальда Ильенкова.

Начало оказалось трудным: Ильенкова изгнали из МГУ за тезисы о предмете философии, написанные им совместно с В. Коровиковым. По сути, в них повторялась и продолжалась хорошо известная мысль Энгельса: философия должна перестать грезить о “мире в целом” и сосредоточиться на изучении законов и категорий мышления. Для Ильенкова предмет философии очерчивается категорией *идеального*, со всеми его феноменами — от формы стоимости до человеческой личности. Философия есть наука об идеях и идеальном.

Всякий, кто пытается строить особую “философскую картину мира”, натурфилософию или философию истории, заслу-

Э. Ильенков

живает публичного осмеяния не меньше, чем какой-нибудь изобретатель вечного двигателя, любил повторять ростовский соратник Ильенкова Алексей Потемкин. Единственное, что философия может дать современной науке, — это *универсальный метод познания*, каковым является диалектика, диалектическая логика.

Если научное знание сравнить с домом, то диалектика есть архитектоника знания. Без понимания законов строения хороший дом не построишь. Разумеется, одних архитектурных принципов для строительства мало — нужны также кирпичи, умелые руки, ориентация на местности и много чего еще. Философский метод не заменяет специальных научных методов, но дает им логический ориентир. Примерно так Ильенков представлял себе соотношение философии с другими науками, и все свои усилия он направил на разработку материалистической диалектики как логики и теории научного познания.

В середине 50-х он завершает книгу о методе восхождения от абстрактного к конкретному в теоретическом мышлении. Урезанная более чем наполовину и с иным заглавием, книга была напечатана четыре года спустя [4]¹⁰.

На примере “Капитала” Ильенков показал, как теоретическое мышление прослеживает историю формирования предмета, начиная с простейшей, самой абстрактной формы его бытия и заканчивая наиболее развитыми и конкретными его формами. Энергию этому историческому процессу всегда сообщает особое противоречие, кроющееся в субстанции данного предмета. И всякая новая конкретная форма, принимаемая предметом, возникает в качестве средства разрешения этого противоречия — в точке столкновения противоположных сторон, или “моментов” его субстанции. Истина есть не что иное, как разрешенное (не только в уме, но и в реальности — самой вещью в ходе ее истории) противоречие, а диалектическая логика есть учение о методе конкретного разрешения реальных противоречий.

Логика формальная устраняет противоречия, которые обязаны своим существованием невнимательности или небрежному обращению с понятиями. От таких противоречий можно и нужно избавляться. Но ведь взаимно отрицать и уничтожать друг друга могут не только понятия, могут делать это и сами вещи — “субъекты” вполне реальные.

Если формальное, мнимое противоречие должно быть *устранено* из мышления, то реальное противоречие должно быть *разрешено*. Наткнувшись на противоречие, надлежит вначале разобраться, что перед нами — следствие неправильного рассуждения или же описание реального положения вещей. Сначала проверке подлежит первая из этих двух версий. Мысль поворачивает вспять и последовательно, шаг за шагом проверяет каждое свое действие вплоть до самой постановки

¹⁰ В первоначальном виде работа издана в конце прошлого века [5].

проблемы (того, что, как говорят математики, “дано” — условный задачи). Если такая проверка не выявила ошибки, стало быть, перед нами реальное, истинное противоречие. В этом случае мышление должно изучать уже не форму собственных действий и высказываний, а свой предмет. Противоречие в нем, а не в нас. И *сам предмет* должен подсказать нам способ решения проблемы, фиксируемой в логической форме противоречия.

“Диалектика и заключается в том, что мы четко и ясно формулируем “противоречие”, доводим его до полной остроты и ясности выражения, а затем — находим ему реальное, конкретное, предметно-наглядное разрешение. И это именно происходит всегда путем открытия нового факта, в составе коего ранее выявленное нами “противоречие” одновременно и *осуществляется, и конкретно разрешается*” [6, с. 28].

Факту тут отводится роль ключа, отмыкающего врата истины. Должен быть найден особый ключевой факт, точь-в-точь подходящий к “замку” противоречия. Самому Ильенкову мышление в ситуации противоречия напоминает разомкнутую электрическую цепь. На одном конце ее накоплен положительный заряд, на другом — отрицательный. Необходимо найти условие, благодаря которому напряжение разрядилось бы. Пробуем замкнуть концы кусочком стекла или дерева — ток не идет, напряжение сохраняется. Но стоит проделать то же с пластиной металла и...

Объективное противоречие снимается посредством нахождения в эмпирической истории предмета такого конкретного факта или условия *икс*, благодаря которому данный предмет возникает. Так действует сама Природа, “синтезируя” все новые типы существ и явлений. Диалектическое мышление прослеживает этот процесс эволюции мира, выясняя условия рождения на свет, в муках противоречий, той или иной новоявленной сущности.

Ну а нерешенное противоречие разрушает вещь. Отчего же гибнут вещи, как не из-за неодолимых противоречий? Противоречие есть форма не только рождения, но и смерти. В одном лице и палач, и повивальная бабка всего сущего. На то оно и противоречие, чтобы совмещать противоположное.

Умение “выносить напряжение противоречий” и находить им конкретные формы разрешения Ильенков считал показателем культуры мышления, “ума”. Человек, закрывающий глаза на реальные противоречия, при столкновении с противоречием впадающий в протрацию или в истерику, по праву может быть назван глупым.

Последнее относится и к философам, требующим запрета *любых* противоречий в теоретическом мышлении. Дескать, противоречия водятся лишь в “речах”, сами по себе вещи непротиворечивы. Удивительнее всего, что запрет мыслить противоречия *в вещах* обычно провозглашается от имени на-

уки, полностью отвлекающейся от “вещественного” содержания высказываний. Формальная логика знает о реальных вещах не больше, чем арифметика — о числе кроликов на планете.

Ильенков не только учил диалектике, он и сам пробовал ее применять для решения проблем исторической науки и психологии, в последние десять лет жизни много занимался слепоглухими детьми. Отдельного разговора заслуживает “Космология духа”: в этой работе Ильенков предложил едва ли не единственное во всей истории философии *рациональное, логически обоснованное* решение проблемы смысла и цели существования в Природе мыслящих существ.

Затравленный и больной, Ильенков покончил с собой в марте 1979 года — и, как уже бывало, очень скоро судьбу своего Сократа повторит взрастившее и сгубившее его государство, Советский Союз.

Литература

1. *Аксельрод Л.И.* Спиноза и материализм // Красная Новь. 1925. Кн. 7.
2. *Аксельрод Л.И.* Надоело! // Красная новь. 1927. № 3.
3. Из воспоминаний Т.И. Ойзермана // Вопросы философии. 2004. № 5.
4. *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” К. Маркса. М., 1960.
5. *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997.
6. *Ильенков Э.В.* Школа должна учить мыслить. Москва, Воронеж, 2002.
7. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд.: в 55 т. М., 1967–1975.
8. *Лукач Г.* История и классовое сознание. М., 2003.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд.: в 50 т. М., 1955–1981.
10. *Плеханов Г.В.* Избр. философ. произв.: в 5 т. М., 1956–1958.
11. *Плеханов Г.В.* Сочинения: в 24 т. М.-Л., 1923–1927.
12. *Потемкин А.В.* Проблема специфики философии в диатрибической традиции. Ростов-на-Дону, 1980.
13. *Berlin I.* Review of George L. Kline, Spinoza in Soviet philosophy // Oxford Magazine. 1952-1953. Vol. 71. P. 232–233.
14. *Spinoza B.* Opera: in 4 vols. Heidelberg, 1925.